

A photograph of two young women with long, wavy blonde hair, wearing red and white Santa hats. They are dressed in winter dresses; the one on the left is blue with white snowflake patterns, and the one on the right is red with white snowflake patterns. They are holding hands and looking at each other in a snowy, wooded area. The background is a soft-focus winter forest with snow-covered trees and falling snow.

Сергей Абдалов

**Падал
прошлогодний
снег**

18+

Сергей Абдалов

Падал прошлогодний снег

«Автор»

2026

Абдалов С.

Падал прошлогодний снег / С. Абдалов — «Автор», 2026

В канун Нового года таксист и его пассажир, застрявшие в заснеженном лесу, находят заброшенный дом, где сталкиваются с мистическими событиями, связанными с трагедией двух сестёр. Атмосфера ужаса и безысходности переплетается с темами вины, искупления и новогоднего... возмездия..

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Падал прошлогодний снег	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Абдалов

Падал прошлогодний снег

Падал прошлогодний снег

Воздуха не хватало: тяжёлые седые тучи слились с непроглядной метелью, с рёвом пассажирского поезда разрывающей тишину мёртвого зимнего леса. Вдохнуть полной грудью было смерти подобно. В один миг лёгкие заполнялись сумасшедшими порывами ветра, а нещадный холод, проникающий в горло, сразу вызывал приступ кашля. Ветер свистел; сорванная береста трепыхалась на берёзах, словно забытое на верёвке старое бельё. Вьюга злорадствовала над легко одетыми людьми: снег сыпал за воротники болоньевых курток; неприятно бил по щекам колючими хлопьями и не давал открыть глаз.

Двое шли по адскому лесу, чуть ли не по пояс утопая в снегу. Видимость почти нулевая. Впереди — неизвестность. Позади — оставленная на дороге сломанная машина, чей аккумулятор не выдержал сорокаградусного мороза.

Начавшийся снегопад за считанные минуты образовал на крыше авто приличный сугроб и утопил колёса по самые крылья, всё выше заметая их с каждым порывом. Страх за жизнь вышвырнул водителя и его пассажира из салона; страх заставил пойти вперёд через лес в поисках любого населённого пункта. До заданного места предстояло ехать ещё не меньше часа. Но автомобиль, оказавшийся самым умным в этой ситуации, заглох и, сопротивляясь повторному возвращению к жизни, лишь выдавал пустые звуки в замке зажигания. Метель усиливалась. Местность из белой пелены с каждой минутой превращалась в чёрную вуаль, застилающую лес по обе стороны дороги. Высунутая из окошка рука в густом снеге пропадала сразу же; капот обрастал сугробом, медленно, но верно закрывая собой лобовое стекло, поглощая вместе с ним и воздух. Поначалу легковушку слегка покачивало порывами ветра, но потом она вросла колёсами в снег, и авто начало превращаться в металлический глухой гроб.

Спасти ли хотели водитель и пассажир, когда, с трудом открыв двери машины, выползли из неё, словно из узкой кроличьей норы? Конечно, желанием людей было выбраться из снежного капкана и пойти наугад по заснеженной дороге, лишь бы их заживо не завалило снегом. А ещё подгонял вой голодных хищников, собравшихся в стаю для последней предновогодней охоты. Но сейчас, пройдя от дороги не меньше километра, мужчины скрипели зубами и смотрели друг на друга как заклятые враги, будто один уговорил другого выйти наружу из авто. Хотя оба друг друга видели впервые в жизни: один заказал такси, другой спешно приехал по вызову.

— Ну и когда мы успели свернуть? — с нескрываемым раздражением процедил сквозь зубы таксист, пытаясь найти в тёмных силуэтах деревьев отставшего спутника.

— Всё превратилось в один большой сугроб, — задыхаясь, оправдывался пассажир, озираясь по сторонам залепленными инеем глазами. — Я своих рук не вижу, не то что дороги. Вы зря пытаетесь упрекнуть в этом меня, милейший, в то время как я вместе с вами хотел бы знать: какой чёрт нас путает?!

— Мы здесь сдохнем! — голос водителя дрогнул и сорвался: в горло залетел очередной резкий порыв ветра, и, чтобы не задохнуться, мужчина отвернулся. Все его дальнейшие слова растворились в рёве пурги, и следовавший сзади человек уже ничего не слышал.

— Дом! — вдруг заорал пассажир, силясь перекричать ветер. — Там изба впереди! Туда! Нам нужно туда!

— Что ты там кричишь?! Я ничего не слышу! — таксист наконец остановился, придерживаясь руками за шероховатый ствол берёзы. Колпак куртки играючи приподнял ветер и закрыл таксисту половину лица. Пассажир упорно шёл к нему, махая руками: то указывая вперёд, то складывая руки над собой, имитируя крышу. Смахнув с лица налипший снег, водитель повернул голову туда, куда указывал мужчина.

Очертание пока ещё непонятного строения из-за слетающего с веток елей снега водитель заметил не сразу. Чёрный силуэт дома, выросшего из-под непроходимых сугробов, будто бы появился внезапно, словно по волшебству. Построенный кем-то посередине леса дом был взят в плотное кольцо деревьев, и его появление здесь казалось просто невысказанным.

Первые секунды пассажир, увидевший избушку первым, пристально вглядывался в сгорбленную загадочную фигуру, вопрошающим взглядом посматривая на таксиста.

— Это дом, — подтвердил водитель, машинально поднимая голову, чтобы уловить среди нависших над путниками крон деревьев светлые пятна заканчивающегося дня.

— Темнеет, — уловив мысли товарища, словно бы пожаловался его спутник. — Так или иначе, милейший, этот дом нас спасёт. Нужно идти. Попросим там переждать бурю...

Всё время поглядывая вперёд, не отвлекая друг друга разговорами, чтобы ненароком вновь не сбиться с пути, не меньше чем через полчаса путники добрались до избушки.

На удивление постройка была свежей. Дом возвели не больше трёх лет назад, и обтёсанный сруб даже ещё не успел почернеть. В порядке была крыша, покрытая профнастилом; два небольших евро-окна; кирпичная ровная труба. Засыпанный снегом брезентовый тент укрывал собой небольшую поленницу берёзовых дров. Свет внутри не горел.

Решив постучать в железную дверь, таксист вдруг обнаружил висящую на гвозде связку ключей. Смутившись такому совпадению, водитель посмотрел на пассажира, что стоял внизу ступеней, ёжась и подпрыгивая.

— Здесь ключи от дома, — таксист подкинул на ладони связку, подтверждая слова. — Как-то неприлично открывать. А вдруг сигнализация сработает или хозяева придут?

— И то и другое, милейший, быстрее спасёт нам жизнь! — крикнул пассажир, почему-то оглядываясь по сторонам, словно хозяева дома уже шли к ним с полицией, утопая в сугробах. — Я слышал, охотники специально дома не закрывают или ключи оставляют! Для таких дураков, как мы! Наверное, там ещё и провиант есть! Надеюсь, и для обогрева к нему что-то имеется!

Шум ветра остался позади, как только пассажир, закрывая за собой дверь, вошёл вслед за таксистом. Оба они погрузились в темноту комнаты: такую непроглядную, что от ощущения пустоты перехватило дыхание. Мужчины принялись ощупывать стены в поисках выключателя, и вскоре один из них зажёл свет.

— Где-то поблизости в этой глуши есть трансформатор, — шурясь от яркого белого света, догадался пассажир. Он ждал какого-то ответа от своего спутника, но водитель вдруг замер на полпути, остановившись около единственного в огромной комнате стола.

Вообще мебели внутри охотничьей избы имелось не так уж и много: кухонный стол, пара табуреток, кровать, приставленная к стене. В дальнем углу, словно сахарный кубик, белела небольшая печь. В следующей комнате, что в разы была меньше первой, посредине стояло кресло-качалка; напротив него, на коричневой тумбочке, возвышался небольшой телевизор. В углу комнаты, сразу перед окном, воткнутая в деревянную подставку, стояла «живая» ель, украшенная старыми новогодними игрушками, такими, какие, наверное, были в детстве этих мужчин.

Пассажир даже расплылся в улыбке, увидев такое, но она исчезла с его губ, как только он вновь взглянул на таксиста.

Словно у изголовья гроба, мужчина стоял напротив стола, сняв намокшую от снега шапку, сдавив её в напряжённом кулаке. Мышцы на его скулах нервно подрагивали; лицо побледнело, сливаясь с инеем, покрывшим чёрную ткань куртки. Водитель будто бы внимательно разглядывал предметы на столе, но в то же время казалось, что таксист читает на невидимом экране какую-то бегущую строку.

На столе царил беспорядок: посуда была расставлена хаотично, кое-где стояли несколько пустых бутылок из-под крепких напитков. Рядом виднелись открытые консервные банки с килькой в томате и распакованная пачка презервативов. По всей поверхности изрезанной жёлтой клеёнки были разбросаны карамельки и надкусанные шоколадки. Недопитая бутылка апельсиновой газировки уже давно выдохлась — даже при закрытой крышке она больше не радовала глаз весёлыми пузырьками, поднимающимися к пробке.

На краю стола лежала пушистая белоснежная шапочка, явно принадлежащая девочке-подростку. Поверх неё были аккуратно сложены два пластмассовых кокошника, украшенных серебристой мишурой. Рядом со всем этим находились белый шарф и две пары красных варежек. На одном из табуретов был раскрыт школьный ранец, а под ним высилась гора из тетрадей и цветных карандашей.

Из деревянной столешницы торчал нож с широким полотном и металлической круглой рукояткой, направленной вверх. Такой инструмент вполне мог принадлежать охотнику или леснику — тем, кому приходится вскрывать не только консервные банки, но и справляться с более серьёзными задачами. Серповидный клинок от самого кончика до рукоятки был покрыт бурыми пятнами, которые уже глубоко въелись в металл, из-за чего на некогда зеркальной поверхности появилась ржавчина.

Именно это и сверлил взглядом таксист, от чего белки его глаз, как показалось пассажиру, налились кровью, а ноздри расходились часто, как у загнанной лошади.

Медленно обойдя стол и стараясь не касаться его даже краем одежды, таксист сделал несколько шагов вперёд, вытягивая шею, чтобы заглянуть за очаг. Его правая нога шаркнула по деревянному полу, и, резко шагнув в сторону, он всё же задел стол. От этого кокошники сползли с шапочки и, легонько постукивая, упали на пол.

Пассажир, опасаясь, что его нынешний товарищ по несчастью обнаружил за очагом что-то нехорошее, поспешил к мужчине. Упершись руками в холодную железную плиту, он перевалился через очаг.

Расстояние между импровизированной печью и стеной было совсем небольшим.

Однако места оказалось достаточно, чтобы хозяева дома зачем-то застелили пол жёлтой фуфайкой, а в угол втиснули подушку с грязной наволочкой, на которой был рисунок из красных ягод. Спать в таком месте было бы крайне неудобно.

Как только пассажир оказался за очагом, в нос ему ударил тошнотворный запах сырости, смешанный с приторным, сладковатым ароматом только что пролитой крови. Он поморщился и, замахав руками, отступил назад.

— Чей это дом? — спросил водитель, вдруг посмотрев на спутника так, словно тот должен был знать, куда они ненароком забрели в метель.

— Судя по этим ещё нераспакованным штучкам на столе, милейший, здесь наверняка или парень с девушкой, или муж с чьей-то женой, — пытаюсь зачем-то оправдаться, мужчина наконец снял с себя шапку и, тряхнув ей, рассыпал под ноги снег. — Возможно, в город уехали за продуктами. Новый год же через четыре часа, будь он неладен. Угораздило же меня послушать своего босса в канун праздника: прилететь, можно сказать, с тридесятого царства; переться на четырёх маршрутках, а потом ещё и вызвать такси, которое сломалось. Ну ничего не поделать: слово моего босса — закон. Ему лучше не перечить. Тем более встреча, на которую я спешил, была заказана довольно-таки давненько...

Впервые за всё время водитель внимательно осмотрел своего пассажира. На фоне таксиста — высокого, крепкого мужчины с внешностью непобеждённого боксёра — заказчик выглядел как дотошный учитель литературы, настолько увлечённый своей профессией, что даже внешне стал похож на Грибоедова. Разве что круглых очков не хватало. В остальном: из-под предательски распахнутой куртки выглядывал строгий чёрный пиджак, а под накрахмаленным воротничком белой рубашки топорщился чёрный галстук-бабочка. Стрелки на идеально отглаженных брюках остались безупречно ровными, несмотря на то, что пришлось идти по глубоким сугробам, а лакированные туфли сияли так, будто их только что начистили до зеркального блеска.

Низкорослый, слегка сутулый, с тонкими пальцами пианиста — розоватыми, с аккуратно покрытыми прозрачным лаком ногтями; ни единого заусенца или мозоли. Руки больше напоминали манекен, чем живого человека. С такой внешностью, даже зная прогноз погоды за месяц вперёд, мужчина всё равно бы заказал такси.

С другой стороны, вызов принял таксист. При его внушительном телосложении в голове, казалось, должно было хватить ума отказаться от этого заказа. Но мужчине было практически по пути: высадив пассажира, водитель оказался бы дома минут через десять. Всё бы ничего, если бы не аккумулятор, который таксист по наитию оставлял заряжаться в сервисе на всю ночь. Чертовщина какая-то.

— Ну-с, — Грибоедов так звонко хлопнул в ладоши, что таксист в ту же секунду вышел из непонятого ступора и развернулся к пассажиру. — Я там дровишки заприметил у входа. Сбегаю-ка я за ними. Не известно, сколько нам здесь ждать придётся, а встречать Новый год в холоде, это уж, простите, не комильфо.

Процокав каблуками лакированных ботинок по замёрзшему полу, мужчина у входа застегнул куртку и, надвинув шапку по самые глаза, толкнул дверь.

— До Нового года осталось три с половиной часа, — неожиданно произнёс интеллигент, повернув голову. — Осталось совсем немножко...

Когда мужчина закрыл за собой дверь, в помещении вдруг настала такая напряжённая тишина, что у оставшегося в комнате таксиста напряглись мышцы на затылке. Он вдруг поймал себя на мысли, что оказался в этом доме абсолютно один. Создалось яркое впечатление того, что никакого спутника рядом никогда и не было. Пространство вокруг заполнилось тревогой и животным страхом. Так, наверное, себя чувствует охотник, убежище которого окружили хищные звери. Водитель даже начал слышать, как брёвна избушки со стороны леса царапают чьи-то длинные когти; голодные звери завывали, требуя хозяина самовольно выйти наружу и попасть к ним в лапы.

Лишь спустя несколько минут таксист понял: всё это ветер. Это он воет за окнами, а ветки елей нещадно царапают стены. Мужчина вновь огляделся, морщась от увиденного, словно взгляд его сейчас был направлен на чью-то блевотину, оставленную на столе. Грубые пальцы с облупившейся на них кожей то сжимались в кулак, то резко выпрямлялись, с каждым разом белея всё сильнее.

— Чертовщина, — прорычал наконец таксист и, окончательно выталкивая из себя нахлынувший гнев, ударил по краю стола кулаком. — Грёбаная чертовщина!

Неожиданно за печью застучали каблуки — резко, как выстрелы в ночи, и мужчина вздрогнул, отшатнувшись от стола. Звук был неестественный, будто кто-то маленький и злой топтался на месте, пытаясь изобразить бег. Но это был не бег — это был танец на грани безумия. А потом из темноты, из самого угла, донеслось хриплое, влажное дыхание, перемежающееся коротким, свистящим выдохом. Кто-то хрипел, кто-то кричал, и каблуки продолжали бить в пол — отчаянно, без остановки.

Мужчина не мог отвести глаз. Он медленно, словно боясь спугнуть то, что пряталось в тени, обошёл стол и прижался к стене. Каждый шаг отдавался в тишине дома гулким эхом. Он двигался вдоль брёвен, и с каждым движением из темноты проступали детали: белые сапожки, судорожно дёргающиеся на полу; белые чулки, заляпанные чем-то тёмным; подол тёмно-синего платья, скомканный и грязный.

Он пнул табурет, тот с грохотом отлетел в сторону. Мужчина шагнул в узкий проём между печью и стеной.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у него, и он сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки.

На полу, всего в шаге от него, лежала девушка. Её нежно-голубое пальто казалось неуместно ярким на фоне этой мрачной сцены. Она обеими руками зажимала горло, из-под пальцев толчками била кровь — густая, тёмная, она разлеталась по полу мелкими каплями. Девушка билась в конвульсиях, её ноги били по доскам, а глаза — огромные, остекленевшие от ужаса — смотрели прямо на него.

— Помогите... — прохрипела она, и в этом звуке было больше смерти, чем жизни.

Водитель отшатнулся, вцепился себе в волосы и бросился к двери. Он пинал табуреты, не чувствуя боли, не слыша грохота. Несколько шагов — и его пальцы уже сжимали холодную ручку двери. Он рванул её на себя, но дверь распахнулась сама.

На пороге стоял человек — интеллигентного вида, с охапкой дров, прижатой к груди. Его лицо было спокойным, почти безмятежным. Он посмотрел на таксиста, потом перевёл взгляд на девушку на полу. В его глазах не было ни удивления, ни страха. Только холодное, расчётливое спокойствие.

И в этот момент мужчина понял: настоящий ужас только начинается.

— Как вы любезны, встречать пошли? — расплылся в улыбке пассажир. — Не стоит. Там такая метель, что чёрт ногу сломит. Кстати, и сам чуть не сломал. Вот, примите дрова, будем топить печь...

— Какая, нафиг, печь! — крикнул водитель, отстраняя интеллигента с дороги. — Куда ты меня привёл?!

— Я привёл? — усмехнулся мужчина и посмотрел на собеседника так, как психиатр обычно смотрит на пациента, который утверждает, что уже здоров. — Помилуйте, вы же сами сюда пришли. Разве вы не помните? Никто вас сюда не тащил. А если бы и был рядом человек, который мог бы вам помешать, разве он позволил бы вам прийти сюда? Вы даже можете сами кого угодно за собой привести...

Весь свой монолог интеллигент произносил ровным, непоколебимым тоном поучающего человека. Даже когда раскладывал один за другим поленья в один ровный ряд перед печной дверью, поучитель не дрогнул ни голосом, ни мимикой.

— Бред несёшь, — буркнул таксист, поглядывая через плечо оппонента в тёмный угол комнаты. Однако монотонный голос противного собеседника немного успокоил водителя, и он всё же прикрыл входную дверь, оставив плач выюги за порогом.

— Я, любезнейший, не бред несу, а дрова, — парировал умник, наполняя очаг сухими поленьями. — А вы, чем встречать меня с обвинениями, лучше бы на стол чего нарезали. Или вы не видите, что на столе лежит?

Поджигая бересту выложенными из кармана спичками, пассажир вдруг замычал под нос мотив песни «В лесу родилась ёлочка». В этот момент огонь весело загудел в печи; окутанные огнём дрова затрещали, стреляя искрами. Дом наполнился запахом горячей древесины.

— Давайте уже разрежем торт, — интеллигент, не поворачиваясь, указал на стол. — Прошу прощения за то, что он не свежий, но мы уже ели такой торт, не правда ли? Что ж, куда мы денемся? Как говорится, «что Бог послал». Это «Птичье молоко». Кстати, вы бы купили такой торт на третий день? Например, если бы ваши дети попросили вас об этом?

— Откуда здесь торт?! — таксист стоял на месте, боясь подходить к столу, на котором стоял торт на картоне и три гранёных стакана с чаем. — Что здесь, мать вашу, происходит?

Переведя взгляд со стола на очаг, водитель опешил. Вместо нудного интеллигента около дверной печи сидела девушка в карнавальном костюме Снегурочки.

— Сейчас я вам тортик нарежу, мои дорогие! — произнесла девушка, подражая мужскому голосу, но её слова звучали не смешно, а даже пугающе. Её голос напоминал речь одержимого, в которого вселился демон. — Тебе, Лизонька, побольше; тебе, Анечка, ещё больше... Кушайте, мои Снегурочки, наедайтесь! Сладко вам? Я вас спрашиваю!?

Последнее реплику девушка произнесла с такой ненавистью и визгом, что огонь внутри печи загудел на всю комнату, а из дверцы на пол посыпались искры.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.